

Замѣтки о текущей литературѣ.

"Гражданин", No 15-16, 1873

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/aprN1516.htm>

I.

Скучно нынче въ литературѣ! Такую *первую замѣтку* мы дѣлаемъ почти невольно, почти со страхомъ. Но чувство скуки овладѣло нами съ такою силою при видѣ груды современныхъ журналовъ и книгъ, это чувство было такъ неотвязно и мучительно, что мы принуждены были серьезно задать себѣ вопросъ: что это значить? Не обманываютъ-ли насъ какія-нибудь личныя пристрастія и антапатія? Не *кажется* ли намъ?

Нѣтъ, не кажется. Одна мысль о томъ, что для журнальнаго отчета слѣдовало бы читать всѣ эти современные произведенія, наводитъ тоску, въ основательности которой невозможно сомнѣваться. Во первыхъ, все у насъ длинно и пространно до невозможности, до уродства. Какая-нибудь корреспонденція изъ Клина или Кинешмы тянется въ газетѣ на трехъ-четырехъ столбцахъ мелкой печати. Передовая статья напечатана крупнѣе, но занимаетъ десять или двѣнадцать столбцовъ. За то наши газеты безпрестанно даютъ полтора, два листа вмѣсто одного, чего не дѣлаетъ ни одна французская или англійская газета. Раскройте книжку нашего толстаго журнала и вы встрѣтите большею частію однѣ середины произведеній, которыя давно начались и неизвѣстно когда кончатся. Иной романъ появляется въ каждой книжкѣ и все-таки тянется два года и захватываетъ даже часть третьяго. Конечно романы по самой сущности произведенія объемисты; но скажите, отчего ихъ такая гибель? Отчего исчезли повѣсти, -- родъ, который когда-то такъ любили и такъ справедливо любили? Всякій, кто чувствуетъ себя сколько-нибудь беллетристомъ, теперь только и мечтаетъ о романѣ, -- и притомъ о большомъ романѣ, листовъ въ шестьдесятъ печатныхъ. Даже люди, талантъ которыхъ совершенно ясенъ, которые, напримѣръ, имѣютъ специально способность писать очерки или сцены (таковы В. Слѣпцовъ, Л. Левитовъ, Н. Успенскій, Гл. Успенскій, Рѣшетниковъ и пр.), даже они пытались, пытаются и навѣрное будутъ пытаться писать романы. Изъ этихъ усилій разумѣется выходить мало хорошаго.

Ученыя и критическія статьи нашихъ журналовъ имѣютъ длинноту совершенно соотвѣтствующую нашей беллетристикѣ. Отдѣльных статей у насъ не пишутъ, а пишется непремѣнно *рядъ статей*, и подъ заглавною строчкою вы повсюду съ тоскою увидите: *статья первая, статья четвертая* и т. д. Для сравненія загляните въ "Revue des Deux Mondes", или въ любой англійскій журналъ: тамъ статья переходящая изъ одного нумера въ другой составляетъ исключеніе; у насъ она общее правило.

Этому странному внѣшнему виду нашей литературы вполне соотвѣтствуютъ ея внутреннія качества, какъ оно и должно быть по общему закону природы. Подобнаго многословія еще не представлялъ міръ. По неряшливости, по болтливости и распушенности ни одна литература ни въ какую эпоху не сравнится съ нашею, -- точно такъ, какъ нигдѣ и никогда еще не было примѣра такого преобладанія періодической печати надъ не-періодической, какое существуетъ у насъ. Каждый какъ будто хлопочетъ о томъ, чтобы написать побольше, и потому тянетъ, размазываетъ, жуетъ, приплетаетъ все, что только можно приплести. Романы наполнены совершенно ненужными подробностями и часто вовсе не представляютъ ничего цѣлаго; статьи имѣютъ фельетонный тонъ и такое же безсвязное содержаніе; даже нѣкоторыя свѣтила нашей учености заразились этимъ порядкомъ дѣлъ и, сами того не подозревая, пишутъ лишь то, что называется *журнальными статьями* -- слово почти бранное.

Разумѣется, такой порядокъ не могъ бы существовать, если бы не поддерживался нѣкоторою дѣйствительною надобностью. Публика требуетъ чтенія, и именно чтенія періодическаго; она вѣчно жаждетъ чего-нибудь новаго, только-что написаннаго. Отсюда у пишущихъ является надобность какъ-нибудь наполнять газеты и журналы, производить новое въ такомъ количествѣ, которое имъ вовсе не по силамъ, тянуть и переливать изъ пустаго въ порожнее. Кто давно уже видитъ эту механику, тотъ право берется за журналъ безъ особенной охоты.

Но что касается современной литературы, то еще не въ этомъ ея главное зло; ея бѣда, корень ея скуки гораздо глубже и существеннѣе. Порядокъ многописанія и усиленнаго наполненія журналовъ существуетъ уже очень давно; мы давно привыкли къ нему, такъ что никто почти и не упоминалъ о немъ, даже говоря о недостаткахъ нашей литературы. Всякій зналъ, что отъ журнала въ *этомъ отношеніи* нельзя много требовать, и искалъ въ немъ лишь того, что въ немъ можно было найти. Растянутость, неряшливость -- все прощалось, потому что среди нихъ мелькала иногда искра живой, оригинальной мысли, встрѣчалось талантливое художественное произведеніе (на которое въ тѣ времена никакъ не распространялась индულгенція растянутости и неряшливости), попадалось наконецъ стихотвореніе, какія